

В 2020 г. исполнилось 70 лет со дня смерти С.И. Гессена, и выход посвященного ему тома в серии «Философия России первой половины XX века» неизбежно приобретает символическое значение. Но и вне связи с датой появления этой книги видится знаковым: без фигуры С.И. Гессена сама картина философско-интеллектуального процесса, последовательно восстанавливаемая с выходом каждого тома серии, выглядела бы далеко не полной. Поэтому рецензируемая книга – событие, а ее содержание не просто расширяет сегодняшнее представление о российской философской культуре XX столетия у широкой читательской аудитории, но и становится стимулом для переосмысления процесса «русского мышления» (М.М. Бахтин), уточнения многих акцентов и выявления новых смыслов.

Конечно, С.И. Гессен всегда присутствовал в истории русской философии, а его интеллектуальный вклад не раз отмечался и немецкими наставниками (Г. Коген, Г. Риккерт, П. Наторп, Й. Кон) и современниками (Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, Б.В. Яковенко), в том числе и ведущими представителями американской и европейской социально-философской и педагогической мысли (Д. Дьюи, Дж. Джентиле, Г. Кершенштейнер). Однако один из самых заметных участников общественной, научной, философской, педагогической и литературной жизни российской эмиграции 1920–1930-х гг., философ и педагог, обретавший все больший авторитет в Чехословакии, Польше, Югославии, Германии (до 1933 г.), послевоенной Италии, по идеологическим причинам до конца 1980-х был вычеркнут из истории отечественной философии, а его возвращение в общем контексте восстановления общественно-политической и интеллектуальной истории России, начавшееся в постсоветский период, проходило не без сложностей. Нельзя сказать, что Гессен «потерялся» на фоне Н.А. Бердяева и И.А. Ильина, С.Л. Франка и многих других. Полновесные тома его философских и педагогических сочинений пришли к читателю на рубеже 2000-х (*Гессен С.И. Избранные сочинения*. М.: РОС-СПЭН, 1999. 812 с.; *Гессен С.И. Педагогические сочинения*. Саранск: Красный октябрь, 2001. 566 с. (Педагогическая библиотека Российского Зарубежья; Т. 1)), однако системного анализа философского наследия Гессена и его педагогических идей, его полноценной научной биографии, несмотря на все усилия немало числа исследователей и обширную «гессениану», предложено не было. С этой точки зрения рецензируемая книга знаменует собой новый поворот в изучении наследия мыслителя, становясь той точкой отсчета, с которой должно

начаться полномасштабное научное описание сделанного Гессеном.

Именно об этом говорится в «Предисловии» редакторов-составителей В.В. Сапова и Т.Г. Щединой, четко расставляющем нужные акценты. Отметим, что структурированность мысли и строгая последовательность обозначенных здесь задач изначально подготавливают читателя к особому отношению к книге: это не только памятник историко-философского прошлого, но и целостный текст, направленный на актуализацию задач дня сегодняшнего и их решение в будущем. Кратко характеризуя рецензируемое издание, его можно было бы определить формулой: «Гессен в его современном звучании». При этом универсальность мысли Гессена такова, что в его наследии собственно философия оказывается участницей не завершающегося диалога с историей, культурой, педагогикой, политикой и правом. Это находит отражение в названиях разделов «Философские идеи Сергея Гессена», «Сергей Гессен и современные проблемы философии образования», «“Архив эпохи” Сергея Гессена». И в каждой из этих областей Гессен-философ не растворяется в ее основной проблематике, но делает последнюю более рельефной и наполняющейся новыми смыслами. Поэтому нельзя не согласиться с составителями, полагающими, что «вычленять философию как самостоятельную сферу мысли, как экзистенциальный исток и концептуальное основание отношения к реальным жизненным проблемам необходимо, ибо только таким путем мы можем понять смысл интенций мыслителя, а стало быть, и соотнести их с сегодняшней проблемной реальностью. Мостом здесь служат для нас осмысливаемые исторически вечные проблемы жизни. Вот почему так важно, чтобы «предание» Гессена стало “заданием”, чтобы мы открыли для себя новые смыслы его “прикладной” философии» (с. 7).

Акцентированное «мы» составителей не случайно: взгляд на Гессена, который предложен в книге, – это взгляд не из исторического прошлого, а из настоящего. Рецензируемая книга – это интерпретация наследия Гессена из 1990–2010-х гг. Своего рода связующим звеном оказывается Анджей Валицкий (р. 1930), для которого польский период жизни Гессена еще и часть собственной биографии. При другом подборе и организации материала текстом польского философа можно было бы завершить «персональную» часть, но составители пошли по пути исключения «переживаний о прошлом» и, следует признать, оказались правы. Почти таким же «мостиком» становится и статья Е.Г. Осовского (1930–2004), для которого вклад Гессена в теорию образования и трагические

повороты личной биографии мыслителя неотъемлемо сопряжены с памятью о «советской критике» взглядов Гессена на школу и педагогику Советской России. Оговоримся, что для этих авторов трагическая жертвенность жизни ученого и память о тех испытаниях, которые выпали на его долю в бурную эпоху войн и революций, неизбежно порождают ту интонацию глубокого сопереживания, которая звучит в публикуемых статьях. Не случайно А. Валицкий цитирует строки Тютчева, которые его наставник не раз повторял, размышляя об обрушившихся на него невзгодах: «Его призвали всеблагие как собеседника на пир...» (с. 34).

Следует заметить, что обаяние личности, идей и текстов Гессена переживают все авторы книги. И это неудивительно. Отправленный отцом на учебу в Германию, подальше от «всевидящего ока» охранки, юный Гессен становится одной из самых заметных фигур среди студентов-философов Фрайбургского университета и в 1909 г. получает степень доктора философии. Одновременно он участвует и в философской жизни России: в двадцать с небольшим он переводит на русский язык Г. Риккерта, А. Бергсона, В. Дильтея, в двадцать семь получает должность приват-доцента по кафедре философии Петроградского университета, а в тридцать становится профессором и чуть позднее деканом историко-филологического факультета в Томске. Особая роль принадлежала Гессену в издании международного философского журнала «Логос» и в деятельности его русской редакции, что обеспечило диалог немецкого и русского неокантианства и обозначило новые горизонты отечественной и отчасти европейской философской мысли на ближайшие десятилетия. Эти события – ключевые для понимания процесса формирования философских приоритетов в научных поисках молодого ученого – находят отражение в подавляющем большинстве представленных в антологии статей. Европейский и русский философский и историко-культурный контексты с разной степенью детализации реконструируются в статьях Ю.Б. Мелих, В.Н. Белова, В.Б. Куликова, А.А. Ермичева, Л.Е. Шапошникова.

Определение «неакадемический неокантианец», которое дает своему герою В.Н. Белов, как нельзя лучше характеризует философскую и социально-политическую позицию Гессена на протяжении всей его жизни, его поражающую современников способность соединять глубокую научность с яркой публицистичностью. «Такое название – “неакадемический” неокантианец – требует своего пояснения <...> С одной стороны, Гессен, как никто другой из круга русских учеников немецких неокантианских школ, остался верен духу неокантианства, с другой же, никогда эту верность особо не подчеркивал, концентрируясь на темах и проблемах,

в которых философу, по большому счету, и сказать, казалось бы, нечего», – поясняет автор. И подчеркивает: «Гессен – может быть, самый яркий образец того, как нешкольно (недогматически-школьно) воспринимали идеи двух основных направлений немецкого неокантианства их русские последователи» (с. 89–90).

Конечно, эта характеристика не лишена полемичности, но каждый, кто знаком с многообразием текстов Гессена, не может с ней не согласиться. Этот тезис убедительно дополняется статьей М.Ю. Загирняка, в которой предлагается масштабная интерпретация наследия Гессена как философа права. Автор сосредотачивает внимание на особых свойствах правового мышления Гессена, его диалога с отечественной и западной философско-правовой традицией, на месте категории права в гессеновской философии культуры. Не вызывает сомнений и закономерный вывод: «Гессен предложил схематическую модель развития права, которая может быть применена как для определения особенностей трактовки свободы воли какой-либо культуры, так и для оценки развития любой культуры без использования внешних по отношению к ней критериев» (с. 139).

Специально следует остановиться на блоке осуществленных в книге публикаций, основанных на архивных материалах. Укажем прежде всего на статью А.М. Шитова, в которой рассказывается о попытке возобновления издания журнала «Логос» в Праге. Широко привлекаемая автором переписка Б.В. Яковенко и Ф.А. Степуна, иные архивные документы дают читателю наглядное представление о тех сложностях, с которыми столкнулись русские философы в своем стремлении возобновить традицию философских журналов на чужбине. Полемика вокруг журнала, всего один номер которого увидел свет в новом формате, дает возможность объективно оценить взгляды Гессена, Степуна и Яковенко на задачи журнала, его содержание и меняющуюся роль в условиях эмиграции. Исследование Шитова становится важнейшей страницей истории интеллектуальной жизни русской Праги середины 1920-х гг. и проливает свет на многие неясности в истории философии российского зарубежья.

Заметное место в книге отведено научно-педагогической деятельности С.И. Гессена в разные периоды его жизни. Л.М. Найбороденко, основываясь на малоизвестных документах томских архивов, предлагает последовательный анализ роли Гессена в подготовке учительских кадров в Томске и прилегающих областях в 1918–1920 гг., его участия в работе Томского университета и различных учительских курсов, выступлений в местной периодике со статьями на темы образования и воспитания.

Не менее интересна и статья Л.М. Найбороденко и С.Ф. Фоминых о том, как Гессен

руководил Томским городским Народным университетом: авторы предпринимают убедительную попытку провести параллель между просветительно-педагогической практикой ученого и отдельными пассажирами в опубликованной в 1923 г. книге «Основы педагогики».

Берлинский и пражские эпизоды научно-педагогической биографии Гессена отчасти восстановлены в статье О.Е. Осовского и В.П. Киржаевой. В ней представлены детали сотрудничества ученого с Русским научным институтом в Берлине, перипетии его переезда в Прагу, где он занимает должность профессора педагогики русского Педагогического института им. Я.А. Коменского и становится одним из редакторов (фактически главным редактором) журнала «Русская школа за рубежом».

Отдавая должное всей значительности рецензируемого сборника, все-таки позволим себе предположить, что предметом особой гордости его составителей является «архивный» раздел.

Предваряющий публикацию писем и других материалов текст В.В. Сапова обладает особой интонацией: автор не просто передает атмосферу эпохи, но создает настроение, точно обозначенное в воспоминаниях Ф.А. Степуна: «Было в милом молодом Серее некое порухание, какие-то диалектические качели над страшною бездною жизни» (с. 290). Опираясь на мемуары, иные документальные свидетельства, исследования коллег, В.В. Сапов подводит читателя к сложному и противоречивому, нуждающемуся в детальном комментарии эпистолярному. Здесь звучат живые голоса современников, в воспоминаниях которых возникают русское студенчество в Германии, оценки Гессена как философа и педагога. Присутствует здесь и голос самого Гессена – развернутый фрагмент из его известной автобиографии.

Открывает переписку подборка из писем Гессена и Э.К. Метнера с 1909 по 1913 гг. Диалог издателя и редактора журнала не ограничивается сугубо деловыми отношениями, превращаясь в дружеские беседы, в которых неизменно возникает образ Гессена-философа, историка культуры. Постскриптим к этой переписке появится через два десятилетия, и Гессен, ощущающий ухудшающееся положение русской эмиграции, не без ностальгии напишет своему давнему корреспонденту в августе 1929 г.: «“Muscaget” и Вы – одни из сам[ых] дорогих воспоминаний в моей жизни» (с. 342).

Как и переписка с Метнером, письма Б.А. Кистяковскому – результат интенсивной интеллектуальной жизни собеседников. И в ней неожиданно, на первый взгляд, возникает Гессен-диалогист, тонкий ценитель философских бесед: «О нашем разговоре вспоминаю с удовольствием и благодарностью: для меня разговор хороший значит больше хорошей книги» (с. 347).

Петербургский Серебряный век предстаёт здесь во всей многоликости. Казалось бы, вполне сложившийся и самодостаточный молодой философ, редактор «Логоса», по-прежнему ищет «соучастного» собеседника. В этом смысле закономерно его общение с Вяч. Ивановым и просьба оценить статью о праве, на которую он обращает внимание поэта и мыслителя: «Философия (по крайней мере в моем понимании) едина, и истинный философ, говоря по поводу разного, в сущности должен говорить одно и то же», – пишет он в феврале 1913 г. (с. 356).

В письмах к М.М. Замятной, другу семьи Вяч. Иванова, обсуждаются не бытийные, а бытовые вопросы. Перед читателем возникает несколько иной, но по сути все тот же образ очень деятельного и делового человека. Здесь проступают реалии петербургского быта Гессена и близкого ему круга людей, подробности жизни в «башне» Вяч. Иванова, отбывшего за границу, по соседству с разместившимися там же Ф.А. Степуном, М.А. Кузьминым, С.К. Маковским и др.

Завершают этот раздел два письма Й. Кону, своеобразный эпилог взаимоотношений Гессена с немецким неокантианством и одно из поразительных свидетельств дружбы, пережившей две страшных войны. И «великая радость» от восстановления связи с «милыми, дорогими друзьями», и невозможность «точно рассказать о пережитом в войну» (с. 372), и описание сегодняшнего состояния и планов по завершению научных трудов, – все это воспринимается как дополнение к «Моему жизнеописанию».

Отдельно необходимо сказать о сопровождающем письма комментарии, который можно назвать образцом профессионального и необычайно убедительного прояснения всех мест, которые могли бы вызвать трудности у современного читателя.

В «Приложении» публикуется ряд малоизвестных документов и материалов: текст, анонсирующий выпуск «Логоса», доклад С.И. Гессена о книге Э. Ласка «Логика философии и учение о категориях», статья Гессена «Издания “Логос”», «Отчет редакции “ЛОГОС” за 1910–1911 гг.», рецензия А. Штейнберга «В поисках философии будущего», письмо Е.В. Спекторского Б.А. Кистяковскому от 24 марта 1911 г. (с. 375–386).

И конечно же, событием отечественной гессенианы становятся воссозданная В.В. Саповым хроника жизни и деятельности С.И. Гессена, составленная им же библиография трудов ученого и библиография работ о нем М.А. Загирняка. Возможно, следовало бы все-таки обозначить последние как «Избранную библиографию», принимая во внимание тот факт, что немалая часть написанного Гессеном и о Гессене в них не попала.

Особых слов благодарности заслуживают представленные в книге иллюстрации, которые дают реальную возможность увидеть «лицо эпохи». Среди них отметим, в первую очередь, фотографию Гессена среди преподавателей и студентов историко-филологического факультета Томского университета, его регистрационную анкету для въезда в Чехословакию, письма А.Л. Бему, Вяч. Иванову, Д.И. Чижевскому и др.

В заключение еще раз вернемся к мысли, обозначенной в начале рецензии. «Гессеновский» том становится главой большой истории русской философии XX в., создающей (вместе с книгами, посвященными Ф.А. Степуну и Б.В. Яковенко) историко-философскую трилогию о судьбах редакторов русского «Логоса». Этим его заслуга не исчерпывается: составителями предложена четкая и функционально оправдавшая себя модель описания жизни и творчества Сергея Гессена во всем ее многообразии. По понятным причинам объективного свойства остались за пределами книги размышления о С.И. Гессене как оригинальном философе культуры, политическом публицисте и литературном критике российского зарубежья, деятельном участнике национальной философской и педагогической жизни Германии, Чехословакии и Польши, авторе «Современных

записок» и «Нового Града». Они могут составить содержание новой книги. И если таковая когда-нибудь появится, ее авторы начнут работу над ней с чтения антологии «Сергей Иосифович Гессен».

С.А. Дубровская

Дубровская Светлана Анатольевна – Центр М.М. Бахтина, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, 430005, ул. Большевикская, д. 68.

Доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Центра М.М. Бахтина, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

s.dubrovskaya@bk.ru

Dubrovskaya Svetlana A. – M.M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russian Federation.

DSc in Philology, Professor, Vice Director of the M.M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–215-218

Jörn RÜSEN. **Evidence and Meaning: A Theory of Historical Studies** / Translated by Diane Kerns and Katie Digan. New York: Berghahn books, 2017. 250 p.

Йорн РЮЗЕН. **Свидетельство и смысл: теория исторических исследований***

Новая книга Йорна Рюзена, профессора истории и истории культуры в Университете Виттен-Хердеке, председателя правления Института культурных исследований (Эссен, Германия), а также почетного члена Academia Europaea, является заметным явлением не только в области изучения философии и теории истории, но и значима для социально-гуманитарных наук в целом. Это связано с тем, что книга дает ответы как на актуальные вопросы, стоящие перед теорией и методологией истории, так и намечает перспективы дальнейшей трансформации философии истории, дидактики истории и исследований памяти (memory studies). Центральной задачей книги является изучение проблемы самопонимания исторической науки и ее культурной функции, проблемы места и значения истории для актуальных целей и задач общественной жизни. Однако книга является и существенным шагом в сторону постановки проблемы согласования различных парадигм исторического мышления в мире и преодоления этноцентризма в исторических науках. В книге можно встретить возвращение к наиболее фундамен-

тальным идеям немецкого профессора, выказанным ранее в его трехтомной книге «Основания Историки» (Grundzüge einer Historik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989).

Автор последовательно рассматривает свой опыт систематизации основных категорий и понятий исторической науки. Первые три параграфа посвящены проблеме теоретического определения предмета и круга задач метаистории, а также антропологических оснований исторического мышления. Здесь же мы можем увидеть не потерявшую своей актуальности дисциплинарную матрицу. Следующие три параграфа посвящены описанию системы базовых концептов его теории, правилам и методу, а также типам историописания. Завершающие два параграфа возвращают нас к проблемам функции исторических наук в социальной жизни. Здесь мы встречаем рассуждения об исторической культуре и влиянии исторического мышления на практику образования (дидактика истории), политику (политика памяти). Здесь мы видим также анализ проблемы преодоления этноцентризма в современном историческом мышлении.

* Рецензия подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–511–00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».